

Толстой Алексей А. И.

1984

Литературная газета
г. Москва

22 августа 1984 года ♦ № 34 (4996)

Д ОЛГОЕ время мы очень мало знали о жизни А. Н. Толстого в Германии. А ведь именно там за полтора года (с конца 1921-го по лето 1923-го) произошла коренная ломка его мировоззрения, переход на сторону революции.

Из крупных русских писателей, не сумевших поначалу разобраться в характере происшедших событий, но относительно скоро понявших, на чьей стороне правда истории, и вернувшихся на родину, А. Толстой был первым.

Буржуазный мир до сих пор не может простить писателю «измены». Делается все возможное, чтобы исказить его облик. Возвращение на родину объясняют стремлением к материальному благополучию, любовью «спожить», всем, чем угодно, только не идейными побуждениями. Один из завязавших советологов — Марк Слоним так прямо и заявлял еще в 30-е годы: А. Толстой «не идейный человек и не идейный писатель, и его политические суждения

вечную окраску, а последние номера уже значительно порозовели. Произошло это само собой: «совселились» сотрудники». А. Яценко поддерживал контакты с учреждениями культуры в Советской России, переписывался с А. Луначарским.

Статья А. Яценко представляет собой рукопись на четырех страницах, написана, по-видимому, в 1922 году и предназначена для немецкой печати. Друг А. Толстого, А. Яценко объективно и доброжелательно характеризует творческое развитие писателя, начиная с первых шагов.

Особенно интересен в статье один момент, относящийся к жизни писателя в Москве в 1918 году, то есть поре до отъезда Толстого на юг и последующего — весной 1919 года — выезда во Францию.

Известно, что, живя в Москве, А. Толстой не занимал «глухой» оппозиции по отношению к большевикам, а даже сотрудничал в Москинокомитете, куда входили такие революционные художники, как А. Серафимович, В. Мейерхольд, Д. Штерн-

вышли мне имеющуюся у тебя рукопись. Издательство у нас сделано. Сегодня мы официально отрываемся, — у нас уже 650 тысяч.

Обнимаю тебя. Пиши на адрес дяди Серенки. Любопытны и сведения, содержащиеся в письмах относительно издания нового журнала и участия А. Толстого в нем. Русский журнал, выходящий в Париже, назывался «Грядущая Россия». Здесь А. Толстой и начал печатать первые главы романа. Но кто бы мог предсказать, сколь стремительно станут вскоре развиваться события!

Читаем текст рекламной листовки, адресованной потенциальным подписчикам журнала. На первом месте поставлена программная статья князя Львова «Наши задачи». Затем идут неизданные страницы Пушкина. Следом — роман А. Толстого «Хождение по мукам», составляющий основу книжки. Гдето в конце списка значится: Н. В. Чайковский. «Наш путь к оздоровлению». Статья.

К слову, и А. Толстой, и Н. Чайковский

Алексей ТОЛСТОЙ:

«Я ОТРЕЗАЮ

СЕБЯ

ОТ ЭМИГРАЦИИ»

А. Н. ТОЛСТОЙ и летчиков на подмосковном аэродроме. Август 1941 г.

АРХИВНЫЙ ПОИСК

или его высказывания о революции, о коммунизме, об эмиграции не имеют ровно никакой цены.

Так-таки никакой? Почему же в таком случае советологи никак не могут утихомириться до сих пор и продолжают атаки на А. Толстого? Один из потомков рода Толстых — Толстой-Милославский — совсем недавно написал книгу «История семьи Толстых» (как известно, все три писателя — Лев Николаевич, Алексей Константинович и Алексей Николаевич состояли в дальнем родстве). Когда автор заводит речь о «третьем Толстом», он не скрывает своего тенденциозного намерения — описать жизнь «советской элиты». И сразу же — развешивает крючок!

Милославский начинает рассказ о советском писателе с цитаты из его «официальной биографии»: о поездке «графа» на подмосковную дачу и о том, как он с друзьями беспечно катался по озеру на яхтах и посещал «роскошные дачи» соседей.

Отдадим должное автору: для своей цели он нашел «ударное» начало. Вот только маленькая закладка: никакой такой цитаты в «официальной» биографии А. Толстого нет. Кстати, не совсем понятно, что имеет в виду Милославский, употребляя это выражение, так как никакой «официальной биографии» писателя (кто ее написал? когда? где опубликована?) просто не существует.

Милославский или все перепутал, или встал на путь сознательной фальсификации фактов. Он, по всей вероятности, пользуется сведениями из мемуаров художницы Валентины Ходасевич. Она действительно очень колоритно описывает летний отдых писателя, гостившего у Ходасевичей на озере Селигер: рыбалки, походы за грибами и катание на яхте тоже... Спрашивается, какой здесь криминал?

Милославский указывает, что все это происходило в 40-е годы. Ловкий ход — читатель, глядишь, подумает, что в годы войны с фашизмом Толстой проводил время именно так. Но на самом деле поездка на Селигер имела место в 1940 году. А в «огненные 40-е», вплоть до самой смерти в 45-м, писателю было вовсе не до яхт. И ездил он поездом или летал самолетом в места преступлений фашистов на нашей земле, в действующую армию, где собирал материал для своих гневных публицистических статей...

Разумеется, всерьез скомпрометировать писателя в глазах мало-мальски образованного и мыслящего читателя буржуазной пропаганде не удастся. Более того, она вообще в последнее время вынуждена переходить к обороне. Советологи в таких случаях уже не пытаются дискредитировать творчество тех советских писателей, которые нашли мужество порвать с прошлым, а стремятся «уравнять» различные этапы их биографии, вообще размыть границу между литературой эмигрантской и советской.

В Питсбургском университете США вышел сборник «Русская литература в изгнании», авторы которого упорно стремятся провести одну идею: «не было двух литератур: была одна русская литература двадцатого столетия».

Надо ли всерьез опровергать этот тезис? Всем миру ясно: есть великая советская литература, давшая миру непреодолимые эстетические ценности. И есть некий свод книг, созданных эмигрантами (в том числе весьма талантливыми), который они сами, однако, не решаются называть литературой как чем-то единым, целостным.

Творчество таких художников, как А. Толстой, — объект постоянной, непрекращающейся борьбы. Вот почему крайне важно с подлинно научных позиций изучать их жизнь и произведения, историю создания их книг. И, разумеется, особенно важно искать и вводить в научный оборот новые факты.

ВЕСНОЙ этого года в отделе рукописей библиотеки Западного Берлина мне удалось обнаружить неопубликованную статью об А. Толстом, принадлежащую перу А. Яценко. Ее автор, профессор права Пермского университета, издавал в Берлине журнал «Русская книга» (позже — «Новая русская книга»).

Характеризуя позицию журнала и его редактора, советский критик А. Воронский писал в «Правде» в июне 1922 года: «Весьма любопытна эволюция зарубежного критико-библиографического журнала А. Яценко «Новая русская книга». Вначале журнал велся в обычном эмигрантском духе. Затем начал линять, терять свою пер-

берг, а заведующим отделом хроники был М. Кольцов.

Более подробных сведений о положении А. Толстого в кинокомитете мы пока не имеем. Тем более важно свидетельство, содержащееся в статье А. Яценко: «Революции, как первая в марте 1917 года, так и вторая, большевистская в октябре 1918 (ошибка, конечно. — В. Б.) застали Толстого в Москве. Большевики, надо отдать им справедливость, оставили его в покое и даже поставили во главе Скобелевского комитета, имевшего задачей художественный воспитательный кинематограф».

В марте 1918 г. был образован Московский кинокомитет — первый советский административный орган по делам кино. Одновременно осуществлялась национализация бывшего Скобелевского комитета, предприятия которого перешли в ведение Петроградского и Московского кинокомитетов. Так называемый Скобелевский комитет был единственным государственным киноучреждением, существовавшим при царизме. Фильмы, которые выпускал он, имели откровенно монархический и шовинистический характер. Даже после победы Октябрьской революции эта организация не произвела существенной перестройки в соответствии с новыми требованиями.

Современный историк советского кино пишет: «Вскоре существование контрреволюционного очага стало нетерпимым, и Советское правительство произвело национализацию Скобелевского комитета... Однако, чтобы разобраться во всем материале, и особенно в огромном фотоархиве, найти в нем созвучные революционной пропаганде фильмы, нужны были время и люди, воспринявшие дух и цели Октябрьской революции».

Разумеется, позиции А. Толстого были не лишены существенных противоречий и колебаний, путь писателя к революционному народу выпрямлять никто не имеет права. Но исключительно важный факт, сообщаемый А. Яценко и требующий дополнительной проверки, в общем находит себе законное место в ряду наших сегодняшних представлений о писателе, о причинах относительно скорой его мировоззренческой перестройки. Подробнее обо всем этом мне приходилось писать в книге «Революция и судьба художника» («Советский писатель», М. 1983).

МОЖЕТ БЫТЬ, первое, что поражает в А. Толстом в самую трудную не только для него, но и для всей России пору, — это его подвижнический труд. Дом охвачен пламенем. Еще не известно, успеет ли что-нибудь или останется одно пепелище... Но А. Толстой был убежден, что бездействие в эту пору равносильно преступлению, и он уже в 1919 году во Францию приступил к созданию романа (первая книга трилогии «Хождение по мукам»).

В библиотеке Западного Берлина хранятся два неизвестных письма А. Толстого к профессору А. Яценко, проливающие дополнительный свет на творческую историю этого произведения.

9 декабря 1919 г. Милый Сандро, письмо твое получил, и все принял к сведению. Все это время я работаю над романом, на днях вышла тебе глава — 11, 12, 13-ую. Роман я думаю кончить в первых числах января. Во всяком случае, задержки не будет. — Пусть только они переводят тщательно, слово за словом, не базарно. — от этого зависит дальнейший его успех. «Хромой барин» переписывает. Наташа по совершенно переделанному мной «...» энзимляру. Послать этот энзимляр я не могу, боюсь, потому что он (если — зачеркнуто) как рукопись... Завтра буду писать тебе большое письмо по поводу нашего журнала, — нам нужно представительство в Германии. Журнал ежемесячный.

Обнимаю тебя, твой А. Толстой. Все тебе кланяются.

Здесь интересные сведения о создании нового произведения и о параллельной переработке написанных ранее («Хромой барин»), о сроках работы над «Сестрами» — первой книгой знаменитой трилогии... Понятно беспокойство А. Толстого по поводу качества перевода: роман сразу же вызвал интерес и переводился на несколько языков.

Первоначально Толстой намеревался закончить роман в скором времени, о чем мы можем судить по второму письму (но в итоге реализация первоначального замысла потребовала гораздо большего времени).

19 августа 1920 г. Милый Сандро, получил твое письмо от 15-го... «...» За время последующей переписки я закончу роман (который вчерне уже кончен) и вышлю тебе окончание с тем, чтобы ты закончил его перевод. Если же к переводу «Хождение по мукам» еще не приступлено, то ты

были редакторами этого журнала. Пройдет немногим более двух лет, и один из них, Н. Чайковский, учинит публичный допрос другому, А. Толстому, по поводу перехода на позиции «самозванной» власти. Ответ А. Толстого широко известен. Опубликованный 14 апреля 1922 года, он представляет собой выдающийся документ русской общественной мысли периода революции и свидетельствует о коренных сдвигах в мироощущении наиболее здравомыслящих русских, оказавшихся за границей.

«Я отрезаю себя от эмиграции» — так недвусмысленно характеризовал свой шаг А. Толстой в известном письме А. Соболю в том же 1922 году.

КОГДА изучаешь жизнь и творчество писателя, то важна не только «стратегия» (идеи, замыслы), но и условия, в которых работал писатель: где он жил, за каким письменным столом сидел и т. д. Естественно, во время пребывания в Германии я интересовался состоянием памятных мест, прежде всего домов, где проживал А. Толстой.

Весной 1922 года, когда А. Толстой окончательно порвал с эмиграцией, он поселился на Курфюрстендамм, 31, в пансионе Марии Фишер. К сожалению, облик улицы немало изменился вследствие войны и реконструкции. На месте «толстовского» дома — павильон фирмы «Мерседес-Бенц». По иронии судьбы, та же участь постигла дом № 203, где жил Горький: новое здание принадлежит той же автомобильной фирме.

Домов нет, но маленькое «открытие» нас все же ожидает.

Первоначально могло возникнуть предположение, что дома 31 и 203 находятся на очень большом расстоянии друг от друга. Но, оказывается, нумерация домов на Кудамм, как называют улицу сокращенно, не обычная двусторонняя, как в большинстве городов, а круговая. И дома А. Толстого и Горького разделял всего один квартал, какие-то пять минут ходьбы.

Конечно же, поселились они столь близко друг от друга не случайно. Это было время укрепления их дружбы, интенсивного общения, поддержки, обмена опытом. Каждый был незаменим для другого. А ведь зарубежные исследователи, например французский литературовед Ги Верре, всячески стараются «развести» их!

Но, как говорится, факты — вещь упрямая. Они работают против наших оппонентов. Вот, например, один из таких уточненных фактов. Горький и А. Толстой проводили лето 1922 года на Прибалтийском побережье: Горький в Герингсдорфе, А. Толстой — в Миздрое, курортных местечках, расположенных по соседству.

В «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» приезд писателя в Герингсдорф датируется предположительно: «Май, 30... июнь, начало». Однако хозяин виллы «Ирмгард» г-н Бехер точно зафиксировал приезд знаменитого современника: «31 мая». И тем же 31 мая датируется надпись А. Толстого на титуле первого отдельного издания начальной части трилогии: «Дорогому Алексею Максимовичу с любовью от автора. 31 мая 1922». А. Толстой посетил Горького уже в день его приезда или даже встречал его. Подобные штрихи, «мелочи» не такие уж и мелочи, ибо помогают лучше понять живую картину отношений двух крупнейших русских писателей.

По возвращении с летнего отдыха А. Толстой поселился на Бельцигерштрассе, 46. Почти с отчаянием я шел сюда: неужели повторится история с Кудамм? Ведь это последнее место жительства писателя в Берлине.

К счастью, архитектурные новации коснулись этой улицы лишь минимально, и то в другом конце. Вот он, дом № 46. Пятиэтажный, с низенькой мансардой под красной черепичной крышей, вытянувший вверх свои этажи, он затят с обеих сторон такими же узенькими, в несколько окон по фасаду, домами. Все их можно, собственно, принять за один большой дом, вытянувшийся едва ли не на целый квартал.

Пожилый немец не без удивления смотрит с балкона на двух неизвестных, которые долго изучают облик здания и фотографируют его с разных точек. «Нет, с тех времен здесь никто не проживает», — отвечает он на наш вопрос. Видимо, ни для кого из жильцов неведомо, что сюда не раз приходили М. Горький, М. Ф. Андреева, секретарь М. Горького Крючков, поэт Игорь Северянин, тот же профессор А. Яценко... Но, наверное, любителям литературы особенно интересно узнать, что отсюда, с Бельцигерштрассе, 46, неподалеку от ее пересечения с Эйзенхарттрассе, осенью 1922 года в свой далекий маршрут устремилась «Аэлита»...

Вадим БАРАНОВ